

КОЛЛЕКЦИЯ ГРУСТЬ-БАНК. ЗАПИСКИ КОПЕЙКОВОГО КОЛЛЕКЦИОНЕРА

Одна копейка 1916 года.

22 сентября 2008 года нашёл на улице современную копейку. Постоял рядом: поднимать или не поднимать?

– Зачем она тебе? – спросил равнодушного Александр Кузьменков, с которым мы гуляли улицами Братска. Не просто гуляли, а, изрядно выпив, вышли на улицу глубоко дышать, дружить с листопадом, пиная тупыми носками ботинок опавшую листву. Было у нас в ту осень такое любимое творческое занятие для поднятия духа. А что ещё делать двум безработным журналистам...

– Да вроде бы незачем! А всё-таки жаль: хоть и малый, но финансовый ресурс, и к тому же орлом лежит. Значит, к удаче! – ответил оптимистично товарищу.

Со мной случались иногда приступы немотивированного оптимизма. Я это объяснял склонностью к написанию лозунгов и стихов, которыми время от времени тешил моих знакомых. Хотя читатели говорят, что лозунги и стихи у меня получались в тот период жизни мрачные.

Ещё постояли пару минут в нерешительной задумчивости.

– Будешь поднимать? – спросил я безработного коллегу, намекая на то, что ему нужно.

– Да ну, – махнул он на моё предложение рукой и посмотрел как на безнадежного человека. – Куда и зачем она тебе?

– Не знаю, – многозначительно я ковырнул копейку ногой. Постоял, постоял, переминаясь с ноги на ногу, но все-таки поднял.

Несколько дней носил беленькую маленькую монетку в кармане – даже не на что копейку потратить. Грустно, что современная копейка опять ничего не стоит. Так же и со многими людьми: многие стоят посреди людского базара – никто не интересуется ценой!

Но с того самого дня начали со мной происходить странные, подававшие надежды события. Тогда я временно, как мне казалось, остался без работы. Деньги на жизнь, конечно, ещё были, но как-то очень быстро пропадали в местных магазинах. А мои банковские счета не пополнялись. И даже купленный однажды на удачу лотерейный билет моментального выигрыша ничего мне не принёс.

Так вот, с того самого дня, когда копеечка попалась мне на пути, я стал находить на улице другие деньги. Не бог весть какие суммы, но на пропитание хватало. Для меня это было не событие, поскольку я с детства отличался "финансовой находчивостью". Осенью 2008 года чаще других попадались мне, само собой разумеется, копейки. Оно и понятно: монета эта была вытеснена инфляцией из торгового оборота, и люди не брали её в магазинах в качестве сдачи, а если и брали, то тут же и выбрасывали. А я стал поднимать. Нет, не из возрастной жадности, а из бережливости и финансовой наивности, что копейка рубль бережёт, привитой ещё с детства. Уже не берегла. Но тогда мне в этих копеечных посланиях, другой скажет – подачках, виделся путь выхода из личного кризиса, в который меня засасывало время безнадеги. Копеечки накапливались у меня в специально выделенной для них коробоч-

ке, куда я переместил все сохранившиеся в доме мелкие монеты советского периода. Я назвал её, согласно своему тогдашнему настроению, "Грусть-банк". Эти утратившие цену монеты не могли уже повлиять на моё материальное положение. Но коробочка между тем с каждым днём становилась всё тяжелее и тяжелее.

И вот однажды у себя во дворе я поднял старинную монету. Я не сразу понял, что это ведь монета была чёрной от времени и даже, пока я её не очистил от пыли времени, не читалась. Я внимательно огляделся по сторонам – не валяется ли ещё что-то историческое в нашем дворе? Увы, ничего не было, кроме листьев.

Я так разволновался, что сменил маршрут и вернулся домой. Отмыл, очистил находку и стал рассматривать. Это была копейка 1916 года. Я полез в Интернет узнать, какую ценность она из себя представляет сегодня. Специалисты меня разочаровали. Среди коллекционеров она была широко известна, и её нумизматическая ценность не превышала 500 современных рублей. Но тем не менее я был рад находке и отвел для неё специальное место. Историю находки стал рассказывать всем своим знакомым, и люди поражались – откуда копейка 1916 года могла оказаться в моём дворе? Я сам терялся в догадках – не иначе как передо мной образовался провал времени. Хорошо, что мне выбросило только старую монету, а не утащило в начало XX века за собой – шутил я.

Когда хвалился этой удивительной старинной находкой, то находилось немало знакомых, которые тут же вспоминали свои взаимоотношения с мелкой монетой. Больше всего запомнилась история поэта из Москвы Андрея Чехоманова:

– У меня была копейка, которая мне "жизнь спасла". Наклонился за ней и не "успел" под машину, которую не видел на дороге. Копейку легко было узнать, т.к. одна сторона была во вмятинах от асфальта. Полгода проносил, потом пришлось отдать в магазине...

Напомню, кто забыл, что в романе Максима Горького "Мать" есть пронзительная

экономическая «история» с «болотной» копеейкой, раскрывшая историю стихийный бунт против фабриканта, распорядившегося вычестить «копейку» из зарплаты рабочих на осушение болота... Революция, по версии автора, разгорелась с копейки... Как когда-то в московской типографии начался мятеж из-за наборщиков, которые требовали платить за знаки препинания, как за слово... Большие и кровавые революции в России начинаются с мелочей...

Но самое важное произошло со мной через несколько дней после находки. Молодые люди открыли информационный городской сайт и позвали писать заметки. Сайт набирал обороты и теснил газеты. Сочинять заметки было моим ремеслом, и, хотя предложенные финансовые условия не были вдохновляющими, я не отказался. И по сей день там работаю, но уже главным редактором сайта. Кстати, с тех самых пор, как моя материальная жизнь стабилизировалась, я перестал находить деньги, и копейки в особенности. Они совсем куда-то исчезли из поля моего зрения. Последний раз современную копейку я видел в прошлом году, но даже поленился поднять и положить в свой заветный Грусть-банк, который и так полным-полнён мелкими монетами. Конечно, в нём нет редких копеек времён Ивана Грозного и Екатерины Великой, которыми дорожат настоящие коллекционеры, но меня это не беспокоит.

Поэтому время от времени достаю коробочку с моими копейками и внимательно изучаю безымянных героев финансовой системы России, которые, как мне теперь кажется, вернули меня в экономическое пространство страны. Я собрал сотни монет прошлого и нынешнего веков. Копеек разных времен и народов. Самая старинная датирована 1916, а самая юная – 2007 годом. С точки зрения заядлых нумизматов, не бог весть какая коллекция. Но иногда мне кажется, что вот-вот эти монеты со мной заговорят. Мне греет душу мысль, что эти монеты зреют в цене и дождутся своего часа, чтобы предьявить городу и миру всю свою цен-

ность. Фотограф и поэт Евгений Рыбаченко, узнав по случаю о моей коллекции, подарил талисман.

И когда я показал свою копейку столетней давности коллекционеру Юрию Бордонскому с предложением поделиться с Музеем Света, то Юрий Валерьевич сказал, что не стоит торопиться. Такая копейка у Музея уже имеется, а вот «разорять» личный Грусть-банк не стоит... Кстати, в музее выставлен на всеобщее обозрение уникальный экспонат – 92 копейки мелочью за 1725 – 1727 годы, который вызывает у посетителей музея особый интерес, ведь эти 92 копейки меди на платах тянут ни много ни мало аж на полтора килограмма... В таком виде в Российской империи того времени мелочь была в обращении... И я храню столетнюю копейку вместе с другими... По выходным я достаю коробочку, рассеиваю копейки по

столу, беру лупу и рассматриваю коллекцию. А попутно вспоминаю эту историю, которую вам рассказал. Не знаю, есть ли в ней что-то чудесное, но та первая копейка, найденная в ворохе осенних листьев, сильно поменяла мою текущую к старости жизнь... А недавно копейка опять дала о себе знать. В СПёрбанке, где я осуществлял бытовую финансовую операцию, мне причиталась сдача. В её составе были четыре копейки.

– И дадите мелкую монетку? – съехидничал я.

– Обязательно, – невозмутимо ответила оператор и подала мне четыре копейки. Девушка аккуратно выложила передо мною новенькие блестящие крохотные монетки, которыми я, естественно, не побрезговал, а благодарно собрал и дома снова положил в свой Грусть-банк. Пусть растут проценты истории.

МОЙ ПИСЧИЙ ДУХ ЗА СЛОВОМ

...А что касается «информационного повода», поэзия никогда им не была и не будет. И слава Богу...

Из переписки Бориса Рыжего с Ларисой Миллер

1

Стихи в ленту новостей не попадают, потому что современное общество стихами почти не интересуется, а поэты устали доказывать себе самих себя. Это длится уже не одно десятилетие, и стало общеизвестным фактом. Написать стихи, попасть в журнал, опубликовать книжку – еще не значит выйти в свет, поэтому стихи теперь не объединяют, а скорее даже разлучают внутренних и внешних людей информационного общества. А если и заговорят о поэте, то зачастую по другому случаю: самоубийство, получение престижной премии, еще какой-нибудь скандал, но, увы, не по поводу стихов. У нас же случай именно такой, где не будет стихов, но будет, надеюсь, поэзия.

2

Современный поэт и активный мыслитель Вячеслав Куприянов (Москва) в своей работе «Всемирная отзывчивость авангарда» с гуашной размашистостью, но вполне логично и, на мой взгляд, достоверно четко уточнил для нас сложившееся современное состояние информационного пространства мира: «Если Ортега-и-Гассет заявлял о восстании масс, то сегодня следует говорить о падении элиты. Это связано с тем, что элита в своих отношениях с массами всё более ориентируется не на традиционную (книжную) культуру, а на массовую информацию. Таким образом элита превращается в информифию. Не потому, что она обладает некоей особо важной информацией, а потому что приватизирует и узурпирует средства массовой

информации. И все эти (или многие) более мелкие образования пытаются не отстать в строительстве мозаичной, дробной и довольно случайной картины мира. Но если, скажем, наркомафия вполне себе представляет смертельный вред от своего бизнеса, то информафия всегда делает высокомерно-важный вид в своей уверенности, что творит благо». Публичную справедливость этого наблюдения самостоятельно и независимо поддерживает другой дружественный мне поэт Юрий Беликов (Пермь). В своей статье «Поколение бронзовых капель» он уточнил нынешнее поле битвы культуры и бескультурия, категорично настаивая: «Это будет век ожесточённой схватки между Информацией и Поэзией. Вы скажете: как будто её раньше не было, поименованной схватки! Была. Но субъектами поединка выступали несколько иные персоналии. Например, в Средние века Информация ещё и под стол пешком не ходила – к Рыцарям Круглого стола. Условный бой... шёл, скорее, между другой Ин – Инквизицией – и Поэзией.

Во времена семинариста Джугашвили Информация уже подросла и даже утратила девственность: став Дезинформацией, конвоировала Поэзию во внутреннюю свою тюрьму. Поэзия сражалась с Дезинформацией несением креста, иногда сливающимся с церковным...»

На первый вполне просвещённый взгляд кажется, что невозможно оспорить эти справедливые утверждения двух поэтов, которые в публицистической форме отразили всю глубину трагедии нашей, с одной стороны, быстро-, а с другой стороны, – вялотекущей жизни, где поэзии отведена всего лишь тоненькая полоска горизонта, до которого добирается малая горсточка фанатиков и рыцарей слова: им для стихов достаточно неба, даже в решётку. И хотя был я поначалу искренне солидарен с этими высказываниями, но сегодня мне сложившаяся картина поэтичности мира не представляется столь драматичной, поэтому с помощью гипотез и допущений попытаемся всё же расставить всё по своим, ведомым мне местам.

Информация, как факт очевидный, зарождается и распространяется там, где в миру торжествует суета сует, где всеобщая склонность к перемене мест стремится за переменной времени, которое стало двигаться с нарастающей, неумимающей быстротой. А поэзия не терпит и даже активно избегает площадной и уличной сутолоки и зачастую прячется по хладным углам, требуя тишины и покоя. А соприкасаются информация и поэзия лишь на границах, когда суета сует бытия пытается проникнуть в тишину и разрушить её, а тишина, вооружённая созерцательностью, защищается от этого враждебного проникновения. Давно известно, что поэзия никогда не стремилась в сторону информации и не пыталась завладеть ею или разрушить её. А коли обlikом и становилась похожей на неё, то по ошибке неверного взгляда нашего.

Почему? Да потому, что поэзия есть и базис, и первооснова, говоря современным языком, генофонд той самой информации, которая всем своим активным существованием пытается стереть поэзию с лица земного. Информация всего лишь надстройка. И её кажущееся стремление расправиться с поэзией – это необдуманный вечный бунт дьявола против Бога. А необдуманный потому, что, победив Бога, дьявол ликвидирует ВСЁ, в том числе и себя самого, поскольку Бог ЕСТЬ ВСЁ и отвечает за это всё, в том числе и за самого вечно бунтующего дьявола.

Так и поэзия никогда не противостояла ни Информации, ни её самой распространённой разновидности – Дезинформации, потому что, будучи первоосновой и генофондом Слова, не может вступать в борьбу со своим порождением. Но, как известно из истории человечества, вступают дети в борьбу со своими родителями: ссылают их с глаз долой, морят голодом и даже режут им горло.

И хотя сегодня тем немногим, кто всё ещё читает поэзию, кажется, что идёт смертельное противостояние, противопоставление информации и поэзии, в которой последняя, а по сути первая проигрывает, я осмелюсь

взять на себя ответственность, утверждая, что это не так. Проигрывать может казаться таковым на определенном участке пути, странства или времени, но никогда в вечности, где базируется генофонд поэзии.

4

Вижу, как многих уже осеняет слабая догадка, что поэзия – это генофонд слова, поэзия – гены информации, первооснова бытия, а значит, информация без поэзии никогда не существовала и впредь не будет существовать, а тем более осуществляться. Почему же информацию и поэзию всё чаще и всё больше противопоставляют друг другу, не замечая этой простой и ясной закономерной последовательности? Только потому, что информация существует лишь в видимой надстройке бытия, где торжествует успех и коммерческий дух продажности, а поэзия – там, куда редкая душа может проникнуть, где деньги не играют никакой роли, где подлинные достижения способны оценить немногие. К тому же информация своей избыточностью подавляет поэзию, и в том числе тех, кто живёт поэтическим словом. Но поэзия своей внешней малозначительностью – только незаметно, почти невидимо – снабжает первооснову жизни, где поэт помимо своей воли выполняет функцию кристаллической решетки Бога. Поэтому попытки многих больших и особенно малозначительных поэтов доказать, что они в этом мире представляют только самих себя, – искреннее заблуждение творческих личностей. Поэты укрепляют генофонд Слова, которое всегда, при любом

состоянии информации, остается вначале с Богом. Бог ничего им не диктует, как придумали поэты, – он просто с ними заодно.

5

И пусть современный поэт своим словом порой искажает действительность, но главное, он искажает её до узнаваемости нового бытия генетикой красоты. Это благодаря таким поэтам, внутри которых уживаются первослова, утверждает себя тишина звенящая. Есть поэты, вокруг которых бушует пустое словоизвержение информации: ковырнёшь – и уже на поверхности обнаружишь, что им нечего сказать, а потому в них не приживается звенящая тишина, без которой не бывает поэзии, а только распространяется информация. Только с помощью тишины дух живёт внутри поэта, и поэт мучается, мечется, чувствует себя неуютно в этом мире. И как только с помощью главного Слова поэт поселяет себя внутри духа, то всё в мире уравнивается, становится на свои места, торжествует гармония всеобщей силы – успокаивается и дух внутри поэта, и поэт крепко-накрепко приживается внутри всемирного духа. Недаром поэту очень часто завидуют. Но только один поэт знает, что живёт он судьбой скучной, малоинтересной и незначительной, и только Поэт ведаёт, что без него любая ритмичная попытка бытия осветить себя внутренним светом человека никогда не свершится, потому что там, где вначале Слово, его шепчет на ухо Богу всегда только Поэт.

СВЕТ ТЬМЫ ТЬМУЩЕЙ

Он жил своим умом.

Из эпитафии

1.

– Одни пишут о том, что видят, другие лишь о том, что знают! – любил повторять мой кол-

лега по журналистскому цеху Георгий Богдановский.

Сам ли он придумал этот афоризм или, как человек начитанный, подцепил у кого-то из

умных авторов, я так и не удосужился спросить. Но мне нравился этот постулат, благодаря которому я знал: дураки пишут, лишь когда видят всё вокруг, а умные берутся за перо, когда понимают суть происходящего изнутри. Дураки снаружи, мы – внутри. Но однажды моя самоуверенность была поколеблена. Я выпустил крохотную книжечку верлибров «Завещание пейзажа/ Правда лица», которая заканчивалась, как мне казалось, такими проникновенными строками:

КАК МНОГО ДЛЯ ЖИВЫХ ЗНАЧИТ СМЕРТЬ –
ТАК НИЧЕГО ДЛЯ МЕРТВЫХ НЕ ЗНАЧИТ ЖИЗНЬ.

Я гордился этой почти библейской, соперничающей с Екклезиастом формулой бытия небытия, и мои многочисленные читатели с восторгом спотыкались об эти двухстишие и несли своё восхищение автору, который знал, о чем пишет. Автор действительно думал, что знает, что проник в суть проблемы бытия небытия. Но однажды книжечку прочитал известный современный поэт Виталий Кальпиди и тоже споткнулся об эти строки. Но не восхитился, а выжурил меня в своём отклике: «Не пишите того, чего не знаете наверняка», – был категоричен поэт. Обвинение, что я пишу о том, чего не знаю, стало самым жестоким оскорблением для меня. А разве я не знаю? А откуда знает Кальпиди, что всё может быть не так, как увиделось мне? Дискуссии не получилось. Поэт не спорил – он бросил реплику и забыл. А я остался наедине с самим собой, и восторг первооткрывателя сменился на унижающее каждого пишущего сомнение.

2.

– Там что-нибудь есть? -
тревожился умирающий.
– Там что-нибудь осталось? -
поинтересовался у него
первый встречный на том свете.

Из дневника

Меня всегда смущала гробовая тишина того света, где прячется от живых всё про-

шлые мертвых. То подлинное прошлое, которое прожили наши предки, не жалкое взвесь истории, которую лучше всего окрестить вымыслом правды. Ощущая душой тишину того света, я всем сердцем возненавидел формулу равнодушных, считающих, что всё тайное становится явным. Разве это проблема бытия?! Явное становится тайным – вот ущерб просвещению, которым ничем нельзя восполнить. Все видели, все присутствовали, все участвовали – прошло каких-то пятьдесят лет, и в хрониках начинается бесстыдная путаница. Через тысячу, через пятьсот, даже через сто лет невозможно восстановить детали прошедшей жизни, а нам подсовывают лишь возможные варианты событий, с помощью которых предприимчивые щелкоперы сумели обеспечить себе вполне сносную жизнь.

А всё потому, что мертвые молчат! Их не интересует наша жизнь. Они прошли свой путь, который они боятся доверить ныне здравствующим по каким-то ведомым только им причинам, и мысль русского философа Николая Фёдорова, что когда-то воссоединятся и живые, и мертвые, выглядит как плод художественного воображения. Есть ощущение (молчи, поэт Кальпиди!), что мертвые воссоединятся с ныне здравствующими и теми, кто придет на их смену, только на том свете. И здесь проблема не только в неумении воскрешать (современные возможности генной инженерии уже подвели нас к практике, что теоретически возможно восстановить человеческую цепочку в обратном направлении) – этому устремлению сопротивляются сами мертвые. Как когда-то античные греки, зная о существовании отрицательных чисел и заподозрив, что исследование с ними могут привести науку к разрушительному состоянию бытия, запретили себе ими заниматься. Недаром Бог, о котором говорят и верующие, и атеисты, никогда не проявляет себя на этом свете, а только на том. И хотя мы убедили себя, что Бог разлит во всем здесь и сейчас, но как реально действующее лицо – Отец, Сын и Дух – он неотрывно находится за порогом смерти. Всегда в прошлом

и только в прошлом. Хотя для Бога, как считает Библия, мертвых нет. Но разве только для одного-единственного Бога?

3.

*Мы шли, не ведая преграды.
О горизонт споткнулся лишь слепой.*

Из дневника

Впервые я попал на кладбище в возрасте четырех лет. Хоронили моего отца Василия Тимофеевича, 26 лет от роду. Моя детская память не смогла запечатлеть и сохранить это событие, если бы не фотография: я прижался к заплаканной матери, стоящей у края могилы. Это было в 1959 году. С тех пор на кладбище я свез сначала маму, а следом за ней бабушку, двух самых дорогих для меня людей прошлого. И тогда я почувствовал, что нахожусь ближе всех к смерти. Нет, я не чувствовал её дыхания, она не заглядывала мне в глаза, но я впервые понял, что теперь меня у нее некому отпросить; не немногие, которые могли выйти вперед вместо меня, это сделали. И теперь за моей спиной уже прятались мои дети и внучка, даже не подозревая, какую борьбу ведёт их отец и дед. А я стал избегать мертвых, всячески уклоняясь от участия в похоронах. И когда я не хоронил знакомого мне человека, то продолжал жить с ощущением, что он где-то рядом, но не попадаете мне на глаза. Часто было так, что в случайных встречах видел черты тех, кто давно умер. Это происходило у меня со многими умершими людьми, в похоронах которых я не принимал участия, но никогда с теми, кого мне пришлось хоронить самому. Я никогда не встречал женщин с обликом мамы или бабушки.

– Ты ведешь себя вызывающе! – упрекала не раз жена, женщина терпеливая. – Если ты не ходишь на похороны, то кто же к тебе придёт?

– Тот, к кому я не приду, сделать для меня этого не сможет, – пытался я отшутиться. –

А те, кто крепко жизнью, любят провожать в последний путь.

– А что ты скажешь на том свете, когда встретишься со своими знакомыми, которых не проводишь? Ведь они тебя об этом спросят.

– Господи, неужели нам не о чем будет поговорить? Может, они захотят послушать мои стихи, которые я написал после их кончины..

– Сомневаюсь, что их будут интересовать стихи человека, который уклонился от долга.

Но я не внял этим предупреждениям. И меня до сих пор не встретит на похоронах.

4.

*Разве свет на всех один.
а тьма у каждого своя?!*

Из дневника

Второе посещение кладбища я запомнил на всю жизнь. В родительский день меня туда повела бабушка Феня, у которой после смерти отца я жил. Повела на могилу своего батюшки Степана, погибшего в Великую Отечественную войну. Мой прадед не воевал, а попал под бомбежку, был тяжело ранен и скончался на руках у родных. Его похоронили недалеко от дома, на кладбище, где, кроме жесткой травы, что выбрасывали окрест колючие семена, ничего не росло. Да и могилы сохранялись с трудом: песчаные холмики, если их не укрепить досками или камнем, быстро рассыпались.

Мимо кладбища проходила дорога, по которой мы ездили в город на базар, по ней же и возвращались. Кладбище стало для меня привычным, непугающим. Мы даже частенько играли с пацанами среди могил. Но это днем, а ночью оно приобретало зловещий вид, и люди старались попасть домой засветло.

Не столько было страшно на самом деле, сколько от всевозможных баек и страшилок, которые детское воображение всегда редактировало в сторону жути.

В родительский же день на кладбище былолюдно. Жизнь освещалась солнцем, и от оби-

лия еды, выставленной у могил, на душе становилось празднично. Бабушка вела меня к какому-то только ей известному месту, за пригорок, где людей не было. Могилы здесь разрушены, кресты повалены, часто встречались кучи мусора. Но вот бабушка остановилась, отпустила мою руку и стала крутиться на одном месте и поисках могилы.

– Да где же она? Да что это такое? – бормотала она, перебегая от холмика к холмику. – Вот Фёдор, вот баба Матрёна, вот их сын Микола... А где ж ты, тату? – спрашивала кого-то неизвестного бабушка. – Что за наказание?

И вдруг бабушка упала на колени перед кучей полуистлевших венков и стала оттаскивать их в сторону. А под ними обнаружился маленький, почти сровнявшийся с землей холмик, и баба Феня, зарывав в полный голос, от чего я весь сжался, стала голыми руками нагребать со всех сторон песок к этому холмику. Она стонала, причитала, но продолжала стаскивать со всех сторон горячий песок. Я уже заметил, как за её руками тянулись тонкие струйки крови от ранящих пальцы повсюду разбросанных колючек. Но бабушка, словно не ощущала боли. Между стонами я слышал, как она молила прощение у своего отца, сообщала о матери моей, которая в двадцать три года стала вдовой, и что теперь она живет с внуком Вовой, а дочь опять вышла замуж...

Когда холмик подрос, бабушка на секунду остановилась передохнуть. И увидела меня, стоящего рядом. К своему изумлению, она обнаружила, что внук улыбается. Тут же ловким движением она дернула меня за руку, и я очутился рядом с ней на коленях.

– Гроби! – властно сказала бабушка.

– Это еще зачем? – попытался я сопротивляться.

– Гроби! – повторила она, но, увидев, что я не собираюсь этого делать, взяла за шкуру и ткнула лицом в горячий песок.

Я заплакал, попытался подняться и бежать, но жесткая рука бабушки Фени держала меня крепко.

И мне ничего не оставалось, как нагребать песок на могильный холмик. Вскоре я

почувствовал, как злая колючка впилась в палец, и вскрикнул от боли. Баба Феня тут же взяла мою руку, освободила палец от колючки, отсосала появившуюся кровь.

Потом разложила припасенную для поминок еду. Это была уже другая, хорошая бабушка.

– Ешь! – протянула она мне большой кусок пирога.

Я с жадностью схватил его, лишь бы больше не нагребать этот проклятый песок. А бабушка протягивала мне то яичко, то колбаску, и я ел. Ел жадно, как будто в последний раз. А она говорила – о своей жизни, о жизни моей матери, рассказывала и обо мне. Потом прислушивалась к чему-то и согласно кивала: «Да, тату, ты прав! Спасибо тебе за совет». Я ел и видел перед собой ту самую лучшую бабушку, которая иногда целовала меня в лоб или по возвращении с базара протягивала красивый, большой, в виде коника, пряник. А когда меня кто-нибудь обижал на улице, бросала всё и вступалась за своего единственного внука. Я жил в жестком драчливом мире, где бабушка не раз полосовала меня лозой, но она же была и моей защитницей от любой угрозы извне. Когда шли с кладбища с пустыми котомками (что не съели, раздали нищим), я потянул бабушку за руку и спросил:

– Ты когда с дедом Степаном разговаривала, что он тебе сказал?

– Сказал, чтобы тебя берегла пуще ока!

– А почему я этого не услышал?

– А потому что ты его слушал.

– Но я же рядом сидел!

– Рядом – да не вместе! – ответила бабушка.

5.

Как тесен этот свет,

Но тот еще теснее.

Одна опора в смерти –

Большинство!

Из дневника

С тех пор я много раз бывал на кладбищах. Но почему-то только то давнее посещение

могили прадеда Степана врезалось в мою память. Что-то важное, значительное произошло со мной в тот день, что понять мне предстояло на протяжении всей жизни. Сколько раз я бродил между могильных плит новых и забытых кладбищ! Сидел у могилы отца, затем плакал над памятником матери, оставался один на один с холмиком бабушки. Я внимательно слушал тот свет, но никогда до меня не доносилось ничего из запредельного мира.

И тогда я обиделся. Я обиделся на тот свет и решил больше не ходить вслед за покойниками. И стал себя прятать от того света, спасаясь, цепляясь за этот, где есть в изобилии всё: воспоминания, мечты, радости, где есть прошлое, настоящее и будущее. Я убедил себя, что жизнь нам дана для того, чтобы мы могли мечтать о бессмертии. Декларировал в стихах: «Я – памятник себе: душа в заветной плоти!», «Переживу ХХ век!», «Я умру в глубокой старости!». И дразнил Бога. И вслед за Ницше повторял: «Бог умер!». А потом стал поддерживать и другую теорию: «Бог не жил!». Он только хочет родиться, поэтому утаскивает нас на тот свет, где воедино сливаются все человеческие души, а после смерти последнего человека родится Бог. Рождение Бога и будет тем самым Апокалипсисом, но мы его уже не увидим. Апокалипсис для того света.

Так я жил в состоянии богоборчества, пока однажды не получил странное послание. Восемь стихотворных строчек, которые я сам записал странным, непривычным для меня почерком: «Миленький мой сыночек, хотя ты меня не просил, всё равно я тебе помогаю из последних смертельных сил. И когда свой жизненный круг завершишь, то смерть не ругай, а сколько есть силы дочкам из небытия помогай!».

Я был несказанно удивлен сначала текстом, а затем почерком: моя рука пишет быстро, обрывисто, неряшливо, а тут был округлый женский почерк. И я бросился искать

письма мамы. Когда нашел, для меня уже не было тайной, чьё послание я держал в руках. Это говорила со мной мама в доступной для меня форме стиха. Не скажу, что я был потрясен, но я впервые понял, что тот свет заговорил со мною. Он решил наконец-то открыть мне простую истину, что всем своим прошлым помогает жить этому свету. Это для живущих смерть – непреодолимая преграда. А для мертвых, как говорили древние, жизнь и смерть – это одно и то же. Это единое состояние бытия с небытием. Мертвые, познав эту истину, боятся, что весь ход нашей жизни приведет к разрушению единства бытия и небытия: ведь одинаково не могут – этот свет без того и тот свет без этого. Вселенская катастрофа – утрата не только этого света, но и того тоже, поскольку они не могут жить и погибнуть в отдельности, а только вместе. Поэтому, когда мы думаем о современном этом мире, одновременно мы думаем и о современном том мире. Вопрос совершенно даже не в том, чтобы дать физические параметры того мира – это здравствующим не по силам, – но нам нужно четко держаться границ, которые нас разделяют и через которые мы можем (кто может) вести диалог двух миров, которые, как выяснилось, оба созидательны.

6.

Еще Декарт заметил, что поэты, не обремененные доказательствами, делают гораздо больше открытий, чем ученые, которые вынуждены всё время свои прозрения подтверждать опытами и наблюдениями. Мне давно кажется, что простые люди прозорливей многих ученых. Они задолго знают такие истины, которым лишь много лет спустя ученые находят объяснения, причем чаще всего – пытаюсь опровергнуть заблуждения простых людей.